

ПРАВО

УДК 008 + 340.5

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

С. В. Зыков

Институт философии и права СО РАН (г. Новосибирск)
ZykovSV@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие обязательственного права как элемента цивилизационного развития России (ограниченное дореволюционным периодом). Анализ правовых источников демонстрирует, что для доимперского периода основополагающее значение в сфере договорного регулирования имели переведенные византийские правовые акты, отказ от которых в последующем привел к существенным проблемам. Спецификой отечественного обязательственного права являлись развитая система ответственности должностных лиц в допетровскую эпоху и, на протяжении всего дореволюционного развития, непринятие концепции безвиновной ответственности. Также в статье представлен анализ обычного крестьянского договорного и деликтного права XIX в.

Ключевые слова: специфика национальной правовой системы России, история отечественного права, эволюция российского гражданского законодательства, источники гражданского права, обязательственное право.

Для цитирования: Зыков, С. В. (2026). Цивилизационное измерение отечественного гражданского права. *Respublica Literaria*. Т. 7. № 2. С. 91-100. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.91-100.

THE CIVILIZATIONAL DIMENSION OF DOMESTIC CIVIL LAW

S. V. Zykov

Institute of Philosophy and Law SB RAS (Novosibirsk)
ZykovSV@yandex.ru

Abstract. This article examines the development of the law of obligations as an element of Russia's civilizational development (limited to the pre-revolutionary period). An analysis of legal sources demonstrates that, during the pre-imperial period, translated Byzantine legal acts were fundamental in the sphere of contractual regulation, the subsequent rejection of which led to significant problems. A distinctive feature of Russian law of obligations was the developed system of official liability in the pre-Petrine era and, throughout its pre-revolutionary development, the rejection of the concept of no-fault liability. The article also presents an analysis of customary peasant contract and tort law of the 19th century.

Keywords: specifics of the national legal system of Russia, history of domestic law, evolution of Russian civil legislation, sources of civil law, law of obligations.

For citation: Zykov, S. V. (2026). The Civilizational Dimension of Domestic Civil Law. *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 2. Pp. 91-100. DOI: 10.47850/RL.2026.7.2.91-100.

Попыткам построить модель российской цивилизации и соотнести ее с другими насчитывается уже не одно столетие. По этому вопросу существует обширнейшая литература как российская, так и иностранная. Проблема, имеющая ярко выраженное мировоззренческое измерение, далека от решения и остается актуальной.

Корректная цивилизационная типологизация невозможна без исследования такого важного элемента культуры, как право. Следует согласиться с утверждениями об отсутствии в научной литературе как модели российской национальной правовой системы, так и анализа «составляющих ее элементов» [Винниченко, 2015, с. 91]. В качестве правовых аспектов рассматриваются исключительно вопросы публичного права и связанные с ними (например, политического режима). Частное право выпадает из рассмотрения, что отчасти объясняется общим состоянием науки истории государства и права, которая в силу существующей научной рубрикации и сложившихся подходов, тяготеет к публичному праву. В рамках же собственно гражданско-правовой специальности исторические аспекты рассматриваются лишь как введение для характеристики отдельных юридических институтов, с игнорированием общих тенденций развития.

С другой стороны, нельзя не согласиться с И. В. Минникес, что в современной истории права методологической проблемой является преобладание хронологического изучения над предметно-ориентированным [Минникес, 2016, с. 45]. В настоящей статье предпринята попытка рассмотреть общие тенденции обязательственных (с акцентом на договорные) отношений, составляющих, без преувеличения, ядро частного (гражданского) права.

Поскольку на начальном этапе развития российского права, исторически наиболее длительном, наибольшее влияние на него оказывало право византийское (Ромейской империи), нельзя кратко не затронуть основные черты византийского частного права.

Проблема, с которой столкнулась Византия изначально, – бессистемность и казуистичность Корпуса Юстиниана, прежде всего Дигест. Для облегчения работы с ними сразу возникла обширнейшая юридическая литература (комментарии, сокращенные изложения, алфавитные и предметные указатели и т. п.). В отличие от западноевропейского средневековья, наработки ученых получали воплощение в законодательстве. Принимались все более структурированные акты, а их нормы, исходно заимствованные из Дигест, приобретали все более обобщенный, современный вид.

Следует упомянуть в этом ряду Эклогу (741 г.), Прохирон (907 г.) и Шестикнижие (1375 г.). С учетом положений Эклоги были разработаны четыре закона для регулирования отношений в особых сферах. Из них надо упомянуть Земледельческий закон, перевод которого позже вошел в отечественную Кормчую книгу. По справедливому наблюдению современного российского историка права Д. Ю. Полдникова, уже в Эклоге «предписаниям придана форма обобщенных правил, близких к современному стилю» [Полдников, 2024, с. 361]. Однако этот акт отличался крайней лапидарностью: так, титул IX, состоящий всего из двух статей, посвящен купле-продаже; титул X, состоящий из пяти статей, – всем остальным договорам. Значительно более детализированное регулирование договорных отношений содержал Прохирон, имевший исторически большее значение для развития частного права (например, ставший в последующем основой для Шестикнижия). Прохирон явно недооценен в современной истории права.

Эклога и Прохирон были полностью переведены на русский язык не позднее XIII в., в более ранний период встречаются переводы выдержек из них. В то же время есть основания предполагать использование церковными судами с момента их возникновения полных текстов на греческом языке. Наименования Эклоги и Прохирона были переведены как «Леона царя премудрого и Константина главизны ...» и «Закон градский» соответственно. Несколько столетий они составляли основу древнерусского, русского средневекового и раннего российского частного права.

Поясним на примере договорного права. Конечно же, акты собственно отечественного происхождения (пространная редакция Русской правды, Судебник 1497 года, Судебник 1550 года, Уложение 1649 года) содержали фрагментарное регулирование договорных отношений. Но их отдельные нормы (в значительной степени процессуальные) не раскрывали содержания важнейших аспектов указанных отношений: дефиниций договоров, основных прав и обязанностей сторон, их ответственности и рисков. Эти основополагающие положения содержались в Законе градском (по два раздела («границы») которого посвящены дарению (12, 13) и товариществу (19, 20), и по одному разделу – купле-продаже (14), займу (16), найму, включая наем вещей и наем работ, – подряду (17), хранению (18)).

Значение переводов византийских светских актов для древнерусского и русского средневекового частного права сегодня не осознается даже специалистами. Встречаются работы по источникам частного права рассматриваемого многовекового периода, в которых они не упоминаются вовсе [см. напр.: Лаушкин, 2015, с. 268-272].

В такой ситуации понятна, без преувеличения, «юридическая катастрофа», произошедшая в сфере договорного права в имперский период. В предшествующую эпоху влияние Церкви на правоприменение было огромным и не сводилось только к компетенции церковных судов, пусть и очень широкой: достаточно вспомнить «Мерило праведное» – выражаясь современным языком, это был сборник методических материалов (заметим, содержащий полные переводы и Эклоги, и Прохирона), подготовленных Церковью в помощь светским судам. Петровские реформы фактически превратили ее из субъекта в объект управления; соответственно, резко упало значение Кормчих книг, содержащих акты, регулировавшие договорные отношения.

Обращаясь к Законам гражданским¹, мы обнаруживаем недостаточность и фрагментарность регулирования договорных отношений. Так, нормы о договоре мены (ст. ст. 1374–1380 Законов гражданских) не содержат, в отличие от вышеуказанных разделов Закона градского, ни определения, ни содержания договора, устанавливая только ограничения мены и требования к форме договора. В нормах о купле-продаже мы находим самую минимальную регламентацию вопросов качества товара: он должен быть «той самой доброты», которая предусмотрена условиями договора или должна соответствовать согласованным образцам (ст. 1516 Законов гражданских), в качестве единственной санкции был предусмотрен возврат полученного (ст. 1518 Законов гражданских); в то же время обнаруживается большое количество запретов в отношении продажи общественного имущества (ст. 1387), членов семей крепостных (ст. 1397), детей «азиатцев» по Сибирской и Оренбургской линиям (ст. 1405) и т. п. Большое количество норм посвящено совершению

¹ Свод законов Российской империи. Т. 10. Ч. I: Законы гражданские. (1857). СПб.

купчих крепостей (ст. ст. 1417–1468 Законов гражданских); особенностям продажи земель «башкирцами и татарцами» (ст. ст. 1469–1486 Законов гражданских); приобретению недвижимого и движимого казенного имущества с публичных торгов (ст. ст. 1487–1509 Законов гражданских).

Регулирование найма вещей преимущественно сводилось к вопросам формы договора и ограничений. О его содержании говорилось только в ст. ст. 1691, 1707, 1708 Законов гражданских, причем последние две нормы восходили к Уложению 1649 г., в свою очередь, основанному на положениях Закона градского. В отдельных разделах определены особенности найма имущества, принадлежавшего казне, городским округам и церковным организациям (ст. ст. 1709–1713 Законов гражданских); башкирских земель (ст. ст. 1714–1725 Законов гражданских); угодий, принадлежавших «сибирским инородцам», а также «самоедским» в Мезенском уезде (ст. ст. 1726–1736 Законов гражданских).

Подобная картина наблюдалась и применительно к регулированию других видов договорных отношений. Наличие большого количества запретов и ограничений, вероятнее всего, было оправдано конкретными историческими условиями. Проблема в другом: выпадение из числа используемых источников Закона градского привело к отсутствию в системе правового регулирования основополагающих элементов договоров (дефиниций предмета договора, общих прав и обязанностей сторон, ответственности за их неисполнение).

Фрагментарность регулирования ряда важнейших вопросов частноправовых отношений во многом предопределила обращение российского гражданского права (термин появился в начале XIX в.) к зарубежному германскому праву.

По отношению к «византийскому вектору» частного права замена на «германский» имеет, как бы это ни показалось удивительным, и внутренние предпосылки.

Тот факт, что «германский» концепт частного права достаточно быстро и бесповоротно возобладал над условно «французским», имел очевидные причины: германская подсистема континентального права более всеобъемлюща, что делает ее удобной в практическом применении и обуславливает ее выбор правовыми системами, не связанными с германской культурой (один из последних примеров – кодификация гражданского права в КНР); она в большей степени ориентирована на систему образования, а это соответствовало условиям реформирования России XVIII–XIX вв. силами «образованного класса»; конечно, имело значение, что значительная часть представителей последнего училась в германских университетах.

В то же время в Германии, начиная с середины XVI в., византийское Шестикнижие неоднократно переиздавалось (латинский и немецкий переводы) и применялось в судах [Азаревич, 1877, с. 310]. Его первые пять книг соответствуют структуре позже принятого Германского гражданского уложения (с перестановкой последовательности второй и третьей книг). Несмотря на давнюю «отмену Византии» в западной культуре, она объективно оказала влияние, в частности, на развитие права, не вполне корректно обозначаемого как «пандектная» подсистема.

Можно предположить, что одной из причин, обусловившей выбор ее в качестве модельной в XIX в., было наличие общей по отношению к предшествующему развитию права в России византийской основы. В этом можно видеть парадокс и драму происходившего культурного перелома.

Возвращаясь к доимперскому частному праву, отметим, что оно не редуцируется к адаптивному восприятию права византийского, хотя оно и имело место. Так, еще в ст. 46 пространной редакции Русской правды установлена, римская по происхождению, ответственность в форме двойной стоимости украденного. Кратные штрафы закреплялись в переводах Эклоги и Прохирона, Законе судном людям.

В источниках византийского происхождения сословная дифференциация ответственности проявляется крайне слабо. Например, в Законе градском (грань 39, глава 54) «да возвративше украденное и сугубо толикожде да воздать», однако при невозможности такого возмещения предусматривалось телесное наказание, т. е. последствия связываются даже не с правовым статусом, а с имущественными возможностями должника. Однако в отечественных источниках мы обнаруживаем выплату денежной компенсации за «бесчестье», дифференцированную в зависимости от социального статуса субъектов возникшего правоотношения (Уложение 1649 года: статьи X, 28; X, 29; X, 32; X, 33 и след.; также XXIII, 3; XXIV, 1). Разумеется, это не было явлением, специфическим для России: зависимость ответственности от сословной принадлежности была общим подходом европейских систем права той эпохи.

Действительную специфику системы русского права доимперской эпохи можно обнаружить в регулировании имущественной ответственности должностных лиц. Еще в ст. 3, 4 Судебника 1550 г. предусматривалась частноправовая ответственность (дополнительно к уголовной) за ненадлежащее отправление правосудия.

Уложение 1649 г. начинается с положений публичного права, но уже среди них проявляются частноправовые деликты: запрещение военным служащим по пути к месту службы «чинить убытки» и обязанность их возместить, в период военных действий – в двойном размере (VII, 2, 7, 22, 24). Возмещаются убытки, если должностным лицом безосновательно отпущен вор или разбойник (XXI, 84). Суровым было наказание за ненадлежащее отправление правосудия: в случае, если причиной выступили посулы или личные симпатии, помимо уголовного наказания, в пользу истца присуждалась сумма иска (X, 5); если за волокиту дела судьей устанавливалось уголовное наказание, то для судебного служащего более низкого ранга, помимо уголовного наказания, устанавливалась имущественная ответственность перед челобитчиком: две гривны в день (X, 16). Не перечисляя все конкретные составы, отметим, что в ст. 150 главы X содержится общее правило о возмещении населению должностными лицами любого вреда («взятое правити тем людем, кого они чем избидят»), которое советские комментаторы правомерно связывали с развитием самобытных положений предыдущего Судебника [Соборное уложение 1649 года, 1987, с. 202], отмечая казуистичность во всех остальных случаях причинения вреда: «... в Уложении 1649 года нет общей нормы на этот счет» [Там же, с. 215].

Все это очень далеко от ограниченной ответственности должностных лиц в римско-византийском праве (можно вспомнить только относившуюся к вторичным квазиделиктам ответственность судьи – D.5.1.15.1).

Разумеется, в имперский период нормы об ответственности должностных лиц, несмотря на их закрепление в действующем нормативном правовом акте, вступили в противоречие с задачами «модернизации сверху», что фактически парализовало их применение.

Говоря о культурном разломе в постпетровскую эпоху, нельзя не сказать о широко распространенном концепте народного отрицания «формального права». Мы находим его у адептов противоположных направлений общественной мысли, в том числе так называемых «западников». Однако научные исследования народной жизни этих выводов не подтверждают. В обычном крестьянском праве использовались договорные формы, существовавшие в доимперском законодательстве: купля-продажа (часто обеспеченная задатком), аренда, долговые отношения, артель (т. е. товарищество) [Народные юридические обычаи ..., 1900, с. 331-337]. Последняя из указанных договорных форм недостаточно регулировалась законодательством и особенно активно восполнялась крестьянскими обычаями [Соснина и др., 2024, с. 1322-1323], заметим, вполне соответствующими содержанию римско-византийского договора товарищества. Перечень используемых договоров мало изменялся по территориям, лишь региональная специфика русского Севера добавляла в него договор перевозки [Там же]. Исследователям удалось выявить лишь самые общие черты данных отношений, не позволяющие однозначно связать их с доимперским или имперским правовым регулированием.

В отношении восприятия правонарушений в народной среде источники крайне ограничены (в капитальной работе по обычному крестьянскому праву С. В. Пахмана данный раздел вообще отсутствует). Причины понятны, поскольку, например, такая распространенная форма «привлечения к ответственности», как самосуд [Соловьев, 1900, с. 280-283], с точки зрения действовавшего законодательства, сама носила криминальный характер; трудно предположить готовность крестьян откровенничать на эту тему с приехавшим исследователем, и, напротив, легко предположить готовность выдать «барам» за достоверные сведения местные легенды. Из имеющихся данных следует, что крестьяне рассматривали как более важные преступления против личной собственности и личности членов общины, не придавая значения таким деяниям, как посягательства на казенную собственность, преступления против общественной нравственности (если они не затрагивали кого-то из членов общины лично), укрывательство преступников, осужденных государственным судом и т. п. [Там же, с. 275-278]. Кроме того, в народной среде был распространен взгляд, «по которому преступление считается не более чем гражданским, частным нарушением права» [Там же, с. 278]. Обе эти черты характеризуют и архаичное римское право, но, разумеется, речь может идти только о структурном сходстве общинного негосударственного правосознания. Подобное сходство просматривается и во многих обычных юридических институтах (глава семейства как распорядитель имуществом семьи, патрилинейное наследование, личные последствия неисполнения договорных обязательств и др.).

Очевидно, здесь можно различить два компонента: архаичный, догосударственный, возможно, являющийся общим для ранней римской общины и русской крестьянской общины XIX в., и антигосударственный, характерный только для последней как результат постниконовского и постпетровского культурно-идеологического раскола. Однако выявить реальную пропорцию этих компонентов в настоящее время не представляется возможным.

В сфере обязательственного права обнаруживаются особенности отечественного общенародного правосознания. Российское право последовательно не воспринимало концепцию безвиновной гражданско-правовой ответственности. Как известно, в римском праве именно такая ответственность была предусмотрена за вред, причиненный

четвероногим, еще в Законах XII таблиц (VIII, 6) и подтвержденная в Дигестах (D.9.1). Однако в Уложении 1649 года ответственность за действия животного предусматривалась только при умышленном натравливании (X, 281) или за небрежность при содержании животного (X, 284).

Более того, исключалось установление безвиновной ответственности заключением соглашения. Так, согласно Прохирону (tit.17, 9; восходит к Дигестам: D.19.2.13.5), мастер не несет ответственности за недостатки материала, *если он не взял на себя риск*. Эта оговорка содержится, разумеется, и в переводе, Законе градском («аще обещася не сокрушити и сокрушитъ повиненъ есть» – грань 17, глава 9). Но эта оговорка отсутствует в ст. 272 Уложения, несмотря на наличие пометки на боковом поле «из градцких». Кстати, здесь подтверждается концепция, которой придерживается автор: Уложение 1649 года цитирует не наиболее важные или применимые нормы Закона градского, а те нормы, которые подлежали изменению, предполагая, что во всех иных случаях последний оставался действующим актом.

Эти подходы сохранились в имперский период. Согласно Законам гражданским, вред, причиненный животным, возмещался лишь в случае умысла использовавшего для этого животное (ст. 656) или при недосмотре за ним (ст. 688 СЗРИ). Последнее подтверждалось судебной практикой Правительствующего сената в решении 1875 г. № 628², указавшем как на условие ответственности виновность в недосмотре или в недостаточном принятии мер предосторожности при содержании животного.

В римском праве была установлена безвиновная ответственность капитана корабля, содержателя гостиницы (постоялого двора) за действия их слуг (D.4.9.7). В аналогичной ситуации Правительствующий сенат в решении 1869 г. № 1073³ указал, что от хозяина не зависело похищение шубы посетителя, поэтому он не несет ответственности за вред и убыток последнего. Формально ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, появилась в отечественном праве только в конце XIX в. [Полежаева, 2005, с. 6]. При этом указывается, что, согласно Общему уставу российских железных дорог от 12 июня 1885 г. и ст. 683 Законов гражданских СЗРИ, владельцы опасных предприятий несли ответственность за причинённый ущерб только при наличии их вины [Летута, 2022, с. 93].

В целом соглашаясь с тем, что «культурный фактор является решающим в оценке массовым правосознанием существующего правопорядка» [Медушевская, 2010, с. 10], следует уточнить, что он проявляется в динамике: правосознание может отвергать действующее законодательство как элемент правопорядка при положительном отношении к предшествующему позитивному праву. В этой ситуации говорить о «теоцентризме» как противостоящем абстрактному «формальному закону» [Там же, с. 16] не вполне точно. Обычное народное право, как минимум, вполне принимало договорное регулирование, закрепленное в законодательстве в доимперский период. Архаизация деликтного права явилась не проявлением исходных установок, а была ситуативной, связанной с реакцией на идеологически враждебное государство.

² Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего сената за 1875 год. (1912). 2-е изд., неофиц. Екатеринослав: Издание Л. М. Ротенберга. С. 1231-1232.

³ Решения Гражданского кассационного департамента Правительствующего Сената за 1869 год. (1903). 2-е изд., неофиц. Екатеринослав: Издание Л. М. Ротенберга. С. 1718-1719.

Тем самым находит подтверждение тезис, что модернизационные процессы в России (как последовательность «революций сверху»), оказываясь неорганичными ее социокультурной специфике, приводят к совмещению успешного реформирования с застоєм или даже упадком [Винниченко, 2008, с. 94]. Другим его подтверждением является деградация законодательного договорного регулирования в имперский период.

Наиболее продолжительный период отечественное обязательственное право находилось под влиянием права византийского, что проявлялось не просто в имплементации отдельных норм или правовых концептов, но и во включении в правовую систему полных переводов правовых актов. Близость основополагающих мировоззренческих установок обеспечила органичность данного влияния, при том, что отдельные нормы адаптировались под российские реалии.

Особенностью отечественного обязательственного права по отношению к заимствованному в доимперский период была развитая система ответственности должностных лиц. На всех этапах развития дореволюционного права отечественное правосознание последовательно отторгало концепцию безвиновной ответственности.

Список литературы / References

Азаревич, Д. И. (1877). *История византийского права*. Т. 1. Ч. 2. Ярославль: Тип. Г. В. Фальк. 351 с.

Azarevich, D. I. (1877). *History of Byzantine Law*. Vol. 1. Pt. 2. Yaroslavl. 351 p. (In Russ.)

Винниченко, О. Ю. (2015). Методология юриспруденции: кризис или новые возможности? *Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования*. Т. 1. № 2 (2). С. 90-96.

Vinichenko, O. Yu. (2015). Methodology of Jurisprudence: Crisis or New Opportunities? *Bulletin of Tyumen State University. Socio-economic and Legal Studies*. Vol. 1. No. 2 (2). Pp. 90-96. (In Russ.)

Винниченко, О. Ю. (2008). *Российская государственность в контексте цивилизационного развития: учебное пособие*. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та. 172 с.

Vinichenko, O.Yu. (2008). *Russian Statehood in the Context of Civilizational Development*. Textbook. Tyumen. 172 p. (In Russ.)

Лаушкин, С. А. (2015). Возникновения источников гражданского права на Руси. *Социально-экономические исследования, гуманитарные науки и юриспруденция: теория и практика*. № 4. С. 268-272.

Laushkin, S. A. (2015). Emergence of Sources of Civil Law in Russia. *Socio-Economic Studies, Humanities and Law: Theory and Practice*. No. 4. Pp. 268-272. (In Russ.)

Летуа, Т. В. (2022). Деликтная ответственность и гуманизм: традиции и тенденции взаимодействия. *Философия права в условиях глобальных социальных трансформаций: сборник научных статей по итогам Всероссийского форума историков права (Санкт-Петербург, 10-11 июня 2022 г.)*. Под ред. Д. А. Пашенцева и А. А. Дорской. М.; Саратов: Саратовский источник. С. 88-95.

Letuta, T. V. (2022). Delict Liability and Humanism: Traditions and Trends of Interaction. In Pashentsev, D. A. & Dorskaya, A. A. (eds.). *Philosophy of Law in the Context of Global Social Transformations*. Proceedings of the All-Russia Forum of Legal Historians (St. Petersburg, 10-11 June). Moscow; Saratov. Pp. 88-95. (In Russ.)

Медушевская, Н. Ф. (2010) *Интеллектуально-духовные основания российского права*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 56 с.

Medushevskaya, N. F. (2010). *Intellectual and Spiritual Foundations of Russian Law*. Abstract of Doctor's Thesis. Moscow. 56 p. (In Russ.)

Минникес, И. В. (2016). История отечественного государства и права: практико-ориентированный подход. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. № 3. С. 43-56.

Minnikes, I. V. (2016). History of Russian Statehood and Law: Practice-Oriented Approach. *RUDN Journal of Law*. No. 3. Pp. 43-56. (In Russ.)

Народные юридические обычаи по указаниям судебной практики. (1900). *Сборник народных юридических обычаев*. Т. 2. Под ред. С. В. Пахмана. (Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии). СПб.: Тип. А. С. Суворина. С. 301-337.

Folk Legal Customs According to Judicial Practice. (1900). In Pakhman, S. V. (ed.). *Collection of Folk Legal Customs*. Vol. 2. (Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography). St. Petersburg. Pp. 301-337. (In Russ.)

Полдников, Д. Ю. (2024). *Сравнительная история зарубежного права*: учебник: в 2 т. Т. 1. М.: НОРМА: ИНФРА-М. 542 с.

Poldnikov, D. Yu. (2024). *Comparative History of Foreign Law*. Textbook. In 2 vols. Vol. 1. Moscow. 542 p. (In Russ.)

Полежаева, О. Г. (2005). *Становление и развитие института возмещения вреда в России*: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир. 22 с.

Polezhaeva, O. G. (2005). *Formation and Development of Compensation Institution in Russia*. Abstract of the Candidate's Thesis. Vladimir. 22 p. (In Russ.)

Соборное уложение 1649 года: текст, комментарии. (1987). Подгот. текста Л. И. Ивиной. Коммент. Г. В. Абрамовича и др. Рук. авт. кол. А. Г. Маньков. Л.: Наука. 448 с.

The Cathedral Code of 1649: Text, Comments. (1987). Ivina, L. I. (text preparation). Abramovich, G. V. et al. (comments). Mankov, A. G. (head of the author's team). Leningrad. 448 p. (In Russ.)

Соловьев, Е. (1900). Преступления и наказания по понятиям крестьян Поволжья. *Сборник народных юридических обычаев*. Т. 2. Под ред. С. В. Пахмана. (Записки Императорского Русского географического общества по Отделению этнографии). СПб.: Тип. А. С. Суворина. С. 275-300.

Solovyev, E. (1900). Crimes and Punishments According to the Concepts of the Peasants of the Volga region. In Pakhman, S. V. (ed.). *Collection of Folk Legal Customs*. Vol. 2. (Notes of the Imperial Russian Geographical Society on the Department of Ethnography). St. Petersburg. Pp. 275-300. (In Russ.)

Соснина, М. А., Воротилина, Т. В., Беседкина, Н. И., Аванесова, А. А. (2024). Обычно-правовое регулирование обязательств из договоров у крестьян русского севера во второй половине XIX – начале XX вв. *Белые годы*. № 19 (3). С. 1318-1326.

Sosnina, M. A., Vorotilina, T. V., Besedkina, N. I., Avanesova, A. A. (2024). Customary-Law Regulation of Contractual Obligations among Peasants in the Russian North in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries. *The White Years*. No. 19 (3). Pp. 1318-1326. (In Russ.)

Сведения об авторе / Information about the author

Зыков Сергей Викторович – научный сотрудник Института философии и права Сибирского отделения Российской академии наук, г. Новосибирск, ул. Николаева, 8, e-mail: ZykovSV@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5090-1814>.

Статья поступила в редакцию: 16.03.2026

После доработки: 11.05.2026

Принята к публикации: 29.05.2026

Zykov Sergey – Researcher of the Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Nikolaeva Str., 8, e-mail: ZykovSV@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-5090-1814>.

The paper was submitted: 16.03.2026

Received after reworking: 11.05.2026

Accepted for publication: 29.05.2026